

Научная статья

УДК 821.054.7.0

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-444-459>

<https://elibrary.ru/XJABQW>

РЕЦЕНЗИИ П.М. БИЦИЛЛИ В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

© 2024 г. А.В. Громова

Аннотация: В статье рассмотрены рецензии П.М. Бицилли на произведения современных ему эмигрантских авторов (И.А. Бунина, Б.К. Зайцева, Г.Н. Кузнецовой, Л.Ф. Зурова, В.В. Набокова (В. Сирина) и др.); показано, что отзывы затрагивают новаторские тенденции в литературе русского зарубежья и характеризуют оригинальный метод критика, близкий к «имманентному» методу Ю.И. Айхенвальда.

Ключевые слова: П.М. Бицилли, литература русского зарубежья, рецензия, литературная критика.

Информация об авторе: Алла Витальевна Громова — доктор филологических наук, профессор, Институт гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, 129226 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8420-7567>

E-mail: gromovaav@mail.ru

Для цитирования: Громова А.В. Рецензии П.М. Бицилли в контексте литературного процесса русского зарубежья // *Emigrantica*. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 2: П.М. Бицилли и гуманитарная наука русского зарубежья / сост. М.А. Васильева, науч. ред. М.А. Васильева, А.В. Бакунцев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 444–459.

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-444-459>

Research Article

PIOTR BITSILLI'S BOOK REVIEWS IN THE CONTEXT OF THE LITERARY PROCESS OF RUSSIA ABROAD

© 2024. Alla V. Gromova

Abstract: The article deals with P.M. Bitsilli's reviews of books by contemporary emigrant writers I.A. Bunin, B.K. Zaitsev, G.N. Kuznetsova, L.F. Zurov, V.V. Nabokov (V. Sirin), etc. These reviews touch on actual trends in the literature of the Russia Abroad and characterize Bitsilli's original critical method, close to the "immanent" method of Yu.I. Aykhenval'd

Keywords: Piotr M. Bitsilli, Russian Literature Abroad, book reviews, literature critics.

Information about author: Alla V. Gromova, DSc in Philology, Professor, Institute of Humanities, Moscow City Pedagogical University, 2nd Selskokozyaistvennyi proezd 4, 129226 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8420-7567>

E-mail: gromovaav@mail.ru

For citation: Gromova, A.V. "Piotr Bitsilli's Book Reviews in the Context of the Literary Process of Russia Abroad." *Emigrantica*. Issue 2: Piotr M. Bitsilli and the Humanities of the Russia Abroad, comp. M.A. Vasilieva, sci. ed. M.A. Vasilieva and A.V. Bakuntsev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 444–459. (In Russian)
<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-444-459>

Будучи ученым-энциклопедистом, Петр Михайлович Бицилли (1879–1953) проявлял интерес к чрезвычайно широкому кругу явлений, включая не только историю и методику исторических исследований, но и политику, социологию, искусство, культурологию, лингвистику. Он также много внимания уделял русской литературе — классической и актуальной, советской и эмигрантской, — следил за развитием современного литературоведения, на многие произведения отзывался рецензиями и статьями. В результате наследие

ученого пополнилось значительным количеством литературно-критических работ, которые регулярно публиковались в различных изданиях эмиграции.

Как известно, Бицилли был самым печатаемым автором «Современных записок», которого издатели-«общественники», слабо разбиравшиеся в литературе, часто привлекали в качестве критика. Редакторы также обращались к авторам с просьбой откликаться на новые номера журнала, и Бицилли «писал весьма обстоятельные отзывы, подробно разбирая свежие номера, характеризуя едва ли не каждый материал» [22, с. 101]. Публикации Бицилли появлялись также в журналах «Числа», «Новый Град», «Русские записки», в газетах «Россия и славянство», «Последние новости». Стараниями современных исследователей эта часть наследия ученого после долгого забвения вводится в научный оборот [9; 16].

Литературно-критическое творчество Бицилли отличается тематическим и жанровым многообразием. В его наследии находим статьи и заметки (в том числе на болгарском языке) о русских писателях-классиках: А.С. Пушкине, Г.Р. Державине, А.С. Грибоедове, М.Ю. Лермонтове, Н.В. Гоголе, М.Н. Загоскине, Н.А. Некрасове, И.С. Аксакове, И.С. Тургеневе, Ф.М. Достоевском, Л.Н. Толстом, А.П. Чехове, историю русской литературы и хрестоматии для школ, рецензии на книги советских авторов и писателей эмиграции, а также множество откликов на труды литературоведов зарубежья и метрополии: В.В. Виноградова, М.Л. Гофмана, М.О. Гершензона, И.Д. Ермакова, В.М. Жирмунского и С.А. Серапина о Пушкине, К.И. Чуковского о Некрасове, М.М. Бахтина, А.Л. Бема и Л.П. Гроссмана о Достоевском, И.М. Гревса о Тургеневе, В.Б. Шкловского о Л. Толстом, теоретические и историко-литературные работы А. Белого, П.Н. Сакулина, Н.К. Пиксанова.

Пристально наблюдая за развитием филологической науки, Бицилли выработал свой литературно-критический метод, который складывался как бы между двумя полюсами: научным и эссеистским. Как отмечает И.В. Анненкова:

Академическая квалификация позволяла ему не выпускать из поля «критического зрения» те аспекты литературы, которыми занимались филологи: текстологию, функциональную семантику и др. Такая открытость понимания литературы как единого метаконтекста позволяет рассматривать штудии ученого по истории русской литературы и языка художественных произведений как своеобразную литературоведческую критику. Граница между критикой как искус-

ством и критикой как наукой (литературоведением) в таких работах П.М. Бицилли размыта [2, с. 34–35].

М.А. Бирман, говоря о научном почерке публикаций Бицилли, отмечает, что «при освещении избранных проблем ученый мыслит, оперирует веками, эпохами, культурами», его размышления «базируются на фундаменте большого запаса знаний, хорошо усвоенных и переработанных», а особый шарм его работам придает «сопряжение интеллектуальной насыщенности со специфическим и блистательным колоритом литературного стиля» [21, с. 491]. Эти характеристики могут быть отнесены и к литературно-критическим публикациям ученого.

М.А. Васильева фиксирует оригинальный подход Бицилли к филологическому анализу, который

отталкивался от «мелких» наблюдений над стилем, нередко сближаясь с методами лингвостилистического анализа формалистов, однако в ходе исследования совершал «головокружительные» траектории и выходил далеко за пределы стилового анализа текста [3, с. 7].

Справедливым представляется вывод о том, что

Бицилли был ярчайшим представителем оригинального направления в литературоведении русской эмиграции, самоопределившегося между двумя мощными полюсами русской литературоведческой традиции первой половины XX в., — философской литературной критикой и формальным методом литературоведения [3, с. 7].

Сам Бицилли обосновывал возможность такого подхода к литературному произведению тем, что у подлинного творца форма всегда является выражением содержания. Например, о манере Бунина он пишет, что

в ней нет ничего, что бы не было строжайше обусловлено первоосновной интуицией и определяющейся последнею художественной идеей [15, с. 461];

в рецензии на произведения В. Сирина утверждает, что постоянно встречающиеся у писателя стилистические особенности помогают

приблизиться к уразумению его руководящей идеи — в полном смысле этого слова, т. е. его видения мира и жизни — поскольку у настоящего писателя «форма» и «содержание» — одно и то же [11, с. 474].

Одним из ведущих жанров литературно-критического творчества Бицилли была рецензия. Он опубликовал порядка 100 рецензий [9, с. 673–692], среди которых отзывы на научные издания по истории, философии и литературоведению, на новинки литературы русского зарубежья (М.А. Алданова, И.А. Бунина, Б.К. Зайцева, Н.А. Тэффи, Г.Н. Кузнецовой, Л.Ф. Зурова, В. Сирина, поэтов «парижской ноты») и метрополии (Вс.В. Иванова, М.М. Зошенко), а также рецензии на иностранные книги и переводы, в том числе на иностранных языках.

В данной статье внимание сосредоточено на литературных рецензиях, которые в совокупности отражают динамику литературного процесса русского зарубежья и характеризуют метод Бицилли-критика. И здесь важны не только конкретные оценки и наблюдения, но в целом своеобразие критического подхода, который позволил рецензенту уловить происходившие в литературе изменения. Интерес представляет и особый стиль изложения, позволявший включать в структуру рецензии не только необходимые для этого жанра компоненты (краткую характеристику произведения и его оценку), но и множество отступлений и попутных суждений, содержащих как тонкие наблюдения, так и масштабные обобщения, а иногда предвосхищающих особенности дальнейшего литературного развития.

Так, несмотря на принадлежность к дореволюционной академической школе, Бицилли чутко отзывался на новаторские жанры и художественные формы, предлагаемые современным литературным процессом.

Большой блок рецензий Бицилли посвятил поэтам парижской школы: Г. Адамовичу, Ю. Иваску, Н. Оцупу, Д. Кнуту, Д. Скобцову-Кондратьеву, Вл. Смоленскому, антологии русской зарубежной поэзии «Якорь». Данный материал был подробно освещен М.А. Васильевой, пришедшей к справедливому выводу о причинах пристального интереса Бицилли к «парижской ноте»:

В его системе ценностей, выросшей из философского осмысления исторических потрясений, органично переведенной в область филологии, обнаружилось совпадения с поиском «парижан» на уровне не приема, а «метода» и, возможно, на уровне историзма: филология Бицилли, глубоко историчная по своей сути, была его своеобразным

ответом на неразрешимые противоречия истории; «нота» по-своему была также глубоко историчным явлением. Здесь во многом и кроется объяснение не «случайного», а скорее основанного на «внутреннем, скрытом от посторонних глаз» методологическом сближении сотрудничества Бицилли с журналом «Числа» [4].

Другим примером чуткого отклика на новации литературного процесса служат отзывы Бицилли о произведениях биографического жанра.

В 1920-е гг. парижское издательство YMCA-Press выпустило ряд изданий, представлявших собой современные интерпретации житий русских святых и церковных деятелей. В этой серии появились книги А.Н. Гиппиус «Св. Тихон Задонский», Б.К. Зайцева «Преподобный Сергей Радонежский», В.Н. Ильина «Преподобный Серафим Саровский», Н.А. Клепинина «Святой и благоверный великий князь Александр Невский», Г.П. Федотова «Святой Филипп, митрополит Московский». В их произведениях обозначился новый подход к истории, который во многом был противопоставлен «академическому». Если официальная наука конца XIX в. интересовалась преимущественно закономерностями общественного развития, то в новых версиях жизнеописаний на первый план выдвинулась человеческая личность.

Данная мысль выражена в рецензии Бицилли на книгу Федотова (на тот момент неизвестного историка, который стал печататься в «Современных записках» по его протекции) «Святой Филипп, митрополит Московский» (1928):

Его книга — это реакция против того, что принято по какому-то недоразумению считать «научной» трактовкой истории, то есть подведения исторической реальности под отвлеченные категории формальных наук, как: теория права, социология, политическая экономия. Так вместо Ивана Грозного получалась «государственная необходимость», вместо митрополита Филиппа — «боярская» (или «феодалная») «реакция»; живые, подлинные люди обращались в «представителей» или «носителей» тех или иных «начал», или «общественных слоев», или тому подобных мнимых величин, иными словами, попросту куда-то исчезали за пределы поля зрения истории [13, с. 540].

Новая, или беллетризованная, биография начала распространяться в литературе эмиграции в начале XX в. под влиянием тенден-

ций западной словесности (в частности, произведений Л. Стрейчи и А. Моруа) как жанр, разрушавший каноны традиционного академического жизнеописания и фокусирующий внимание на личности изображаемого исторического деятеля.

Такова, например, «Жизнь Тургенева» (1932) Б.К. Зайцева. Книга основана на документальных материалах, однако отбор фактов, их компоновка и оценка весьма своеобразны. Биограф уделил особое внимание скрытой стороне жизни писателя, попытался проникнуть в тайны его подсознания, изобразить иррациональные импульсы, влиявшие на творчество. Такой подход отвечал общим тенденциям культуры XX в. с интересом к бессознательному и теориям об интуитивской природе творчества.

Не все современные Зайцеву читатели были готовы принять такое изображение писателя-классика, что отразилось в критических оценках произведения. Например, Н. Андреев считал такой подход слишком субъективным и назвал его «опозитизированным фрейдизмом» [7, с. 96]. Ф.А. Степун, давший высокую оценку произведению, заметил, что

в книге важен и интересен не образ всем образованным людям известного Тургенева — западника, либерала, позитивиста и вдумчивого наблюдателя быстрых изменений в обществе, но иной, как бы ночной образ Тургенева с его страхами, страстями, печалью и причудами [23, с. 27].

На этом фоне отзыв Бицилли отличается тонким пониманием не только художественного результата, но и метода Зайцева. Рецензент отметил правдивость биографа в повествовании о Тургеневе и глубокое понимание «нежилых» тайн личности героя — «обреченность своему фатуму», «не встречающую отпора власть одной души над другою»:

Борис Зайцев задался целью изобразить конкретного Тургенева. По-видимому, это ему вполне удалось. По крайней мере, его Тургенев производит впечатление, аналогичное тому, какое остается от тургеневских произведений, если читать их, отрешившись от представлений, созданных о них русской критикой: все написанное Тургеневым поэтично, изумительно умно, тонко, высокохудожественно, высококультурно, и в то же время читателю от них как-то не по себе [10, с. 477].

Такая оценка не только адекватна задаче автора биографии — изобразить внутренний мир художника при помощи «психологического вчувствования», но и характеризует метод самого Бицилли, близкий «имманентной критике» Ю.И. Айхенвальда.

В 1900-е гг. Айхенвальд, автор «Силуэтов русских писателей», выступил против традиционного подхода в истории литературы, не уделявшего, по его мнению, должного внимания индивидуальности писателя и художественной эмоции читателя. Во вступлении к третьему выпуску «Силуэтов» он теоретически обосновал новый метод. В соответствии с его концепцией, ни биография, ни особенности исторической эпохи не дают ключа к пониманию личности творца, об этом могут адекватно поведать только его творения, поэтому критик опирается преимущественно на свои впечатления от чтения произведений. Свой метод Айхенвальд определил как «имманентный», то есть такой, «когда исследователь художественному творению органически сопричащается и всегда держится внутри, а не вне его» [6, с. 24]. Исходным положением для критика служило представление об иррациональной природе таланта, не поддающегося логическому анализу.

Первоначально новаторство Айхенвальда было встречено хорошо — как попытка противопоставить «метод сердца» (Ю. Балтрушайтис [8, с. 155]) устаревшим методам истории литературы [18; 24]. Между тем приверженцы традиционных подходов к изучению литературы критиковали Айхенвальда за то, что он воспринимает писателя как беспочвенного [20], злоупотребляет субъективными впечатлениями и оценками [19], допускает «неумышленную лживость» и создает не объективный образ, а «легенду о писателе» [17, с. 274]. В современной литературоведческой науке «импрессионистическая» или «эссеистская» критика рассматривается как одна из тенденций литературного развития Серебряного века, нашедшая продолжение в критике эмиграции. Очевидно, что в определенных аспектах к ней приближается и литературно-критический подход Бицилли.

Так, в его рецензиях всегда открыто присутствует авторское «я», и путь к пониманию произведения идет через погружение в его художественный мир, через нахождение «внутри» его. Творчество трактуется Бицилли как форма соприкосновения с миром идеальным, а литература воспринимается как особое пространство, хотя и вымышленное, но реальное в своей пластичности:

Всякое искусство, как и вся культура вообще, — результат усилия освободиться от действительности и, пользуясь все же эмпирической данностью как материалом, переработать его так, чтобы прикоснуться к иному, идеальному, Миру. Но эта данность воспринимается и мыслится как реальное бытие... [11, с. 476].

Высшим образцом такого рода литературы для Бицилли является творчество Л.Н. Толстого, с которым он сравнивает все понравившиеся ему произведения. Так, в рецензии на роман Г.Н. Кузнецовой «Пролог» (1933) он пишет:

Надо сделать над собою большое усилие, чтобы дать себе отчет, как написаны «Война и мир» или рассказы Чехова, ибо, однажды воспринявши эти произведения мы уже не мыслим их вне нас [12, с. 453].

А в отзыве на переиздание путевых очерков Бунина прямо сопоставляет его произведение с творениями Толстого:

Начинаешь читать «Тень Птицы», доходишь до описаны отплытия парохода из одесского порта — и сразу же магия бунинского слова оказывает свое неотразимое действие: с читателем происходит приблизительно то же самое, что при приступе к «Войне и миру» или к «Анне Карениной». Толстой вводит нас в семью, и вот она уже — наша семья, мы уже в ней живем, и нам кажется, что жили в ней с детства, как ее неотрывная часть. Вместе с Буниным мы проделываем его паломничество, видим посещенный им Восток так, как если бы он в «самом деле» был нам показан [14, с. 493].

Рецензии Бицилли имеют свободную форму и включают отступления, часто возникающие в авторском сознании не столько в соответствии с логикой анализа, сколько по ассоциации. Подобные отступления иногда предстают в виде сверхобобщений, уводящих от конкретного текста к размышлениям совершенно иного масштаба.

Например, в той же рецензии на «Тень Птицы» Бицилли обоснованно (с точки зрения типологии литературного процесса) сравнивает бунинский травелог с книгой Ф.-Р. де Шатобриана «Путешествие из Парижа в Иерусалим» («Itinéraire de Paris à Jerusalem...», 1811) и приходит к следующему выводу: «Повторяя Шатобриана, Бунин совершил “романтическое” путешествие по следам Христа — и Христа не нашел. Это вполне естественно» [14, с. 493]. Далее следует объяснение причины:

Ибо истинная родина евангельского Христа не там, где разыгрывается евангельское действие. Эта сухость и четкость линий, этот предельный лаконизм, эти несравненные трезвость, ясность, простота <...>, находящаяся в столь резкой противоположности с варварской громоздкостью, с потрясающей и изнуряющей грандиозностью Ветхого Завета, — наследие иного, не восточного, а эллинского гения [14, с. 493–494].

А за этим эссеистически выраженным, «искусствоведческим» объяснением следует одна из бициллиевских «головокружительных траекторий», содержащая суждение о судьбах всей мировой культуры и в финале возвращающаяся к книге Бунина:

Замечательно, как слабо повлияло Евангелие на всю последующую культуру христианского человечества — доказательство, как бесповоротно умерла Эллада: ведь вся история христианского искусства, западного и восточного, связана гораздо более с апокрифами, нежели с каноническими книгами Нового Завета. И то немного, что говорит о Христе Бунин, навеяно, как кажется, скорее всего выросшим на почве апокрифической литературы искусством средневековья, а не Евангелием и не местами, которые он посетил <...> Зато Ветхий Завет может быть понят всецело лишь тем, кто видел места его возникновения, кто знает по личному опыту, что такое пески пустыни и испепеляющие все живое беспощадные и всюду настаивающие лучи Ваала-Солнца. В этом отношении, для понимания Библии, никакой реально-исторический комментарий к ней не дает столько, сколько маленькая книга Бунина... [14, с. 494].

В рецензиях на произведения молодых прозаиков эмиграции, отмечая особенности их художественной манеры, Бицилли также выходит к более общим вопросам, касающимся литературного процесса, а также специфики литературы как вида искусства.

Например, отзыв на автобиографический роман Г.Н. Кузнецовой «Пролог» затрагивает две проблемы: «женской литературы» и формы «фиктивных воспоминаний», предполагающих особый метод художественного воспроизведения жизни.

Рецензент разделяет произведения повествовательной литературы на «художественное воплощение мысли», где читателя отделяет от образов какое-то расстояние, и на те, в которых реализуется обозначенная выше «толстовская» традиция — в том смысле, что в них

воспринимается не повествование о людях и событиях, но сами люди и эти события, сливаясь в нашей памяти с людьми, которых мы лично знали, и с событиями, которых мы сами были участниками или свидетелями [12, с. 453]

Г. Кузнецова, по мнению рецензента, при минимуме деталей и подробностей создает образы, которые воспринимаются как реальные, благодаря авторской любви, восстанавливающей «единство жизни», — и в этом он видит «женское в высшей степени искусство» [12, с. 454]. Указание на особенность творческой манеры Кузнецовой влечет за собой размышления о «женской литературе»:

Женское начало и есть начало не рассуждающей, не основанной на выборе, на оценке, обусловленной непосредственным чувством благодати всякой жизни, все приемлющей любви, начало чисто душевное, одушевляющее, животворящее, но еще не осмысливающее жизни, требующее своего восполнения в начале духовном, мужском, которое в свою очередь нуждается в женском, ибо без него становится безблагодатным, демоническим, мертвящим. Мне кажется, что размножение и повышение качества женской литературы — характерная черта как раз нашего времени, этого поистине жестокого века: жизнь словно сама вносит «поправки» в свою эволюцию [12, с. 454].

Бидцilli высоко оценил и другого начинающего писателя «бунинской школы» — Л.Ф. Зурова в отзыве на его роман «Древний путь» (1934). Хотя рецензент утверждает, что ведущие стилистические приемы Зурова — это черты манеры Бунина, но отмечает новаторство молодого писателя и вновь подчеркивает обусловленность формы содержанием, методом отражения жизни. Бессюжетность, отсутствие центральных героев и непрописанность персонажей, появляющихся «как бы во сне», объясняется темой — изображением революции и Гражданской войны, которые воспринимаются как стихийные силы, полностью подчиняющие себе людей.

Книга без завязки и развязки, вообще без сюжета, без центральной оси, без «главных героев», только «эпизодические» лица, без «сцепления» событий, чему придавал такое значение Толстой, следовательно, без «развертывания» — и тем не менее художественное целое; вернее, именно благодаря всему этому художественное целое. Ибо только такая форма стоит в соответствии с содержанием, где речь идет о событиях, происходящих словно помимо людской воли, где люди подчиня-

ются какой-то инерции, делают ужасны вещи, не отдавая себе отчета в том, что они делают, — так же, как, наряду с этим, и самые обыкновенные, будничные. В том-то и ужас последней войны и вызванной ею Революции, что они для подавляющего большинства людей явились какими-то трансцендентными и непреодолимыми силами, событиями, в которых нельзя сказать, что люди участвовали, как нельзя сказать, что захваченный морской бурей пловец «участвует» в буре.

Раз так, то показывать людей во всех подробностях, индивидуализировать их характеры, подводить их под какие-либо «типы», было бы ненужностью и, значит, художественной фальшью [15, с. 461].

Содержательность рецензии на роман «Древний путь» обусловлена еще и тем, что попутно приведенный список черт стиля Зурова, которые Бицилли считает чертами бунинского стиля («бессюжетность, построение по типу “сюиты”, а не “симфонии”, сплошная метафоричность речи <...>, постоянное обращение ко всем нашим органам восприятия» [15, с. 461]), содержит в зародыше целую программу возможного изучения поэтики обоих писателей.

Внимание к приемам, порождающее размышления о методе и далее — о картине мира — отличает и рецензии на книги В. Сирина.

Одной из ведущих стилистических черт писателя Бицилли считает «своего рода “каламбур”, игру сходно звучащими словами» [11, с. 474], в том числе ритмизацию внутри предложений, «“симметрические” в звуковом отношении словесные группы» [11, с. 475], аллитерации и ассонансы, — и этот тезис подтверждается множеством конкретных примеров. Рецензент указал, что подобные приемы в литературе не новы, но все же более типичны для лирики, а не для повествовательной прозы. При этом он заметил специфические образы, которые начали широко распространяться только в литературе XX в. как элементы импрессионистического стиля, а именно:

перенесение <...> на понятия, порождаемые восприятиями одной категории, качеств, относящихся к восприятиям другой: «бархатная тишина платья, расширяясь книзу, сливалась с темнотой» <...> Здесь словесные указания на отдельные восприятия сочетаются так, что вместо восприятия нам передается одно целостное впечатление [11, с. 475].

В современной науке подобные образы называют синестетическими. Понятие синестезии применяется в психологии, лингвистике, эстетике, искусствознании, литературоведении, под ней понимают

межчувственные связи в психике и результаты их проявлений в конкретных областях искусства: а) поэтические тропы и стилистические фигуры, связанные с межчувственными переносами; б) цветовые и пространственные образы, вызываемые музыкой; в) взаимодействия между искусствами (зрительными и слуховыми) [5, с. 200].

Бицилли считал Сирина-Набокова выдающимся представителем отечественной литературы, сопоставляя с такими корифеями как Гоголь, Достоевский и Салтыков-Щедрин, хотя и находил чрезмерными его стилистические эксперименты. В одном из писем В.В. Рудневу Бицилли писал:

Прочитавши до конца «Приглашение на казнь», убедился окончательно, что Сирин — гениальный писатель, но все еще не выучившийся себя ограничивать и слишком часто увлекающийся собственной виртуозностью [21, с. 571].

Смелое развитие традиции Гофмана, Гоголя и Щедрина проявилось и в композиции произведений Сирина, «где фантастика, небывальщина как-то вкрадываются туда, где мы их не ожидаем», где присутствует «включение небывальщины в вульгарную обыденщину» [11, с. 476], причем в отличие от предшественников фантастические мотивы не выходят на первый план, в результате все «выворачивается наизнанку», «реальность» начинает восприниматься как «бред», а «бред» как действительность:

Прием «каламбур» выполняет таким образом функцию восстановления какой-то «действительности», прикрываемой привычной «реальностью» [11, с. 476].

Таким образом, рецензия Бицилли содержит не только меткие наблюдения над стилистическими изысками писателя, но и пронизательное предположение о скрытых философских глубинах его художественного мира. Утверждая, что «искусство Сирина — искусство аллегории, “иносказания”», рецензент увидел в его произведениях не только «чувство нереальности, бессмысленности жизни», но и «смутное видение чего-то, лежащего за всем этим, “сущего”», «платоновского мира идей» [11, с. 477], — т. е. того, что В.Е. Александров в своей монографии о писателе назвал набокховской «потусторонностью» [1].

Обзор рецензий Бицилли раскрывает некоторые особенности литературно-критического подхода и позиции рецензента по отно-

шению к современному ему литературному процессу. Подход, сочетающий внимание к стилистическим особенностям текста (аналитический) и опору на личные, непосредственные впечатления от прочитанных произведений (эмоционально-интуитивный), приближается к «имманентной критике» Айхенвальда. Рецензиям Бицилли присуще свободное построение, при котором отзыв не только включает рассуждения о самых разнообразных явлениях словесности и истории («фиктивные воспоминания», «женская литература», читательская рецепция), но и позволяет делать на основании личных впечатлений достаточно обобщенные выводы о специфике литературы, художественном вымысле, истории культуры.

Интуитивная основа восприятия произведений словесности позволила Бицилли чутко откликнуться на актуальные явления литературного процесса: появление новых жанров и трансформацию традиционных (травелог, беллетризованная биография, современное житийное повествование, автобиографический роман), формирование особого типа повествовательного произведения, в котором фабула перестает играть решающую роль, новый тип изображения человека, связанный с усилением внимания к человеческой индивидуальности, стилистические инновации в творчестве молодых прозаиков.

Рецензии Бицилли очень содержательны, поскольку в сжатой форме фиксируют значимые особенности литературных новинок и тем самым намечают пути дальнейшего углубленного изучения как отдельных произведений, так и творчества автора в целом, а подчас и всего литературного процесса. Безусловно, актуальной и значимой задачей современного литературоведения видится переиздание и глубокое изучение рецензий Бицилли, а также всего литературно-критического наследия ученого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Александров В.Е.* Набоков и потусторонность: метафизика, этика, эстетика / пер. с англ. Н.А. Анастасьева; под ред. Б.В. Аверина и Т.Ю. Смирновой. СПб.: Алетейя, 1999. 313 с.
2. *Анненкова И.В.* «Чистая критика» Петра Бицилли // Русская речь. 2003. № 1. С. 34–37.
3. *Васильева М.А.* «Проблематика индивидуальности» в трудах П.М. Бицилли: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 25 с.

4. *Васильева М.А. П.М. Бицилли — участник спора о «молодой эмигрантской литературе» // Гайто Газданов и «незамеченное поколение»: писатель на пересечении традиций и культур / сост. Т.Н. Красавченко, М.А. Васильева, Ф.Х. Хаданова. М.: ИНИОН РАН, 2005. С. 50–70.*
5. *Галеев Б.М., Ванечкина И.Л. Синестезия // Корневище ОА. Книга неклассической эстетики. М.: ИФ РАН, 1999. URL: http://prometheus.kai.ru/sinest2_r.htm (дата обращения: 21.05.2020).*

Источники

6. *Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. М.: Республика, 1994. 591 с.*
7. *Андреев Н. «Жизнь Тургенева» Б. Зайцева // Воля России. 1932. № 1/3. С. 94–96.*
8. *Балтрушайтис Ю. Ю. Айхенвальд. Силуэты русских писателей // Золотое руно. 1906. № 11/12. С. 154–155.*
9. *Бицилли П.М. Избранные труды по филологии / сост., подгот. текстов и коммент. В.П. Вомперского и И.В. Анненковой. М.: Наследие, 1996. 709 с.*
10. *Бицилли П. [Рец. на кн.:] Бор. Зайцев. Жизнь Тургенева. Париж, 1932 // Современные записки. Париж, 1932. Кн. 48. С. 475–477.*
11. *Бицилли П. [Рец. на кн.:] В. Сирин. Приглашение на казнь. — Его же. Согдаятай. Париж, 1938 // Современные записки. 1939. Кн. 68. С. 474–477.*
12. *Бицилли П. [Рец. на кн.:] Галина Кузнецова. Пролог. Изд. «Совр. записки». Париж, 1933 // Современные записки. 1933. Кн. 53. С. 453–454.*
13. *Бицилли П. [Рец. на кн.:] Г.П. Федотов. Святой Филипп, митрополит Московский. YMCA-Press, Париж, 1927 // Современные записки. 1928. Кн. 36. С. 539–542.*
14. *Бицилли П. [Рец. на кн.:] Ив. Бунин. Тень Птицы. Изд. «Современные записки», Париж. 1931 // Современные записки. 1931. Кн. 47. С. 493–494.*
15. *Бицилли П. [Рец. на кн.:] Л. Зуров. Древний путь. Изд. «Современные записки», 1934 // Современные записки. 1934. Кн. 54. С. 460–461.*
16. *Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / сост., вступ. ст., коммент. М.А. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. 608 с.*
17. *Голиков В.Г. Имманентная критика // Вестник знания. Пг., 1914. № 4. С. 274–286.*
18. *Грифцов Б. Метод Айхенвальда // Русская мысль. М., 1913. № 11, отд. II. С. 27–30.*
19. *Кранихфельд В. О критике и критиках // Современный мир. СПб., 1911. № 8. С. 327–342.*
20. *Львов-Розачевский В.Л. Самовдохновенная критика // Львов-Розачевский В.Л. Снова накануне. М.: Книгоизд-во писателей в Москве, 1913. С. 137–141.*

21. «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 2. 976 с.
22. «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2013. Т. 3. 1016 с.
23. Стенун Ф. Б.К. Зайцеву: К его 80-летию // Мосты. Мюнхен, 1961. № 7. С. 19–32.
24. Эйхенбаум Б. Ю. Айхенвальд. Силуэты русских писателей // Русская мысль. 1913. № 9, отд. II. С. 330–331.

REFERENCES

1. Aleksandrov, V.E. *Nabokov i potustoronnost': metafizika, etika, estetika* [*Nabokov and Otherworldliness: Metaphysics, Ethics, Aesthetics*], transl. from the English by N.A. Anastasiev, ed. by B.V. Averin and T.Iu. Smirnova. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 1999. 313 p. (In Russian)
2. Annenkova, I.V. “Chistaia kritika' Petra Bitsilli” [“Pure Criticism' of Piotr Bitsilli”]. *Russkaia rech*, no. 1, 2003, pp. 34–37. (In Russian)
3. Vasil'eva, M.A. “Problematika individual'nosti” v trudakh P.M. Bitsilli [*Problems of Individuality in the Works of P.M. Bitsilli*], PhD Thesis, Summary. Moscow, 2009. 25 p. (In Russian)
4. Vasil'eva, M.A. “P.M. Bitsilli — uchastnik spora o molodoi emigrantskoi literature” [“P.M. Bitsilli — Participant in a Dispute about a Young Emigrant Literature”]. *Gaito Gazdanov i “nezamechennoe pokolenie”*: pisatel' na persechenii traditsii i kultur [*Gaito Gazdanov and “Unnoticed Generation”: Writer at the Intersection of Traditions and Cultures*], comp. by T.N. Krasavchenko, M.A. Vasilieva, F.H. Khadonova. Moscow, Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS Publ., 2005, pp. 50–70. (In Russian)
5. Galeev, V.M., and I.L. Vanechkina. “Sinestezia” [“Synesthesia”]. *Kornev-iSHChе OA. Kniga neklassicheskoi estetiki* [*RhizoMe OA. Book of Non-classical Aesthetics*]. Moscow, Institute of Philosophy RAS Publ., 1999. Available at: http://prometheus.kai.ru/sinest2_r.htm (Accessed 21 May 2020). (In Russian)

Дата поступления статьи: 7 августа 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 30 июня 2022 г.

Дата публикации: 26 декабря 2024 г.

Received: 7 August 2021

Approved after reviewing: June 30, 2022

Date of publication: December 26, 2024